

О новом направлении в русской словесности

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/kspolev.htm>

"У нас нет литературы", -- говорят многие, и кто не согласится, что это правда? У нас нет литературы, потому что книги русские не выражают вполне России. Они пишутся и издаются большею частию по разным относительным причинам, а не по искреннему побуждению дать отчет в своих понятиях, чувствах, сведениях. Сверх того, и число писавших и пишущих у нас так мало, так ограничено, что их нельзя назвать представителями русского ума, русских дарований. Наконец, подражательность -- вечная спутница всех юных литератур и давняя губительница наших писателей -- не позволяет русскому уму явить себя во всей красе и силе. Эти соединенные причины оставляют нашу письменность в каком-то детском возрасте и не дают ей возмужать до возраста истинной литературы. Дитя в пеленках, дитя верхом на палочке, дитя с учебною книжкою в руках не может быть назван полным человеком, потому что ему еще надобно пережить возраст юношества и мужества.

Не определяя, в каком возрасте находится теперь наше милое дитя, русская литература -- ибо надобно же так называть ее для избежания излишних слов и для того, что дитя есть уже человек, -- заметим, что, по неизменному закону, в нашей литературе полнее и более всего развита до сих пор словесность. Человек прежде всего бывает движим фантазиею: судьба как будто ждет лет более зрелых для действий его на поприще ума и учености. Потому-то все литературы начинались словесностью, в которой прежде, нежели в других отраслях, являются люди, исполненные дарований, поэты, ибо чувство развивается в человеке прежде всех других способностей. И у нас, при бедности в других отделах литературы, есть уже довольно писателей-поэтов, которых можем мы противопоставить знаменитым именам других словесностей. Державин, Хемницер, Фонвизин, Дмитриев, Крылов, Карамзин, Жуковский, Грибоедов, Пушкин -- именуем только некоторых -- были бы честью какой угодно словесности. И теперь при общем непрерывно возрастающем развитии духа русского замечательнейшие явления литературные видим в нашей словесности: другие отделы литературы не идут рядом с нею. Это некоторым образом может также доказывать юность нашей образованности; но не об этом хотим мы говорить в нашей статье. Мы хотим обратить внимание на некоторые новые явления русского стихотворства {У нас привыкли называть стихотворство поэзиею, вероятно взяв это слово с французского, на котором оно собственно выражает стихотворство. "Les poesies de V. Hugo" значит ни больше ни меньше как "Стихотворения В. Гюго". Следственно, у французов злоупотребление сего слова имеет по крайней мере основание. Но у нас для чего это? Поэзия может быть и в живописи, и в музыке, и даже в подвиге; но в большей части стихотворений нет ее. Итак, пора обратиться к здравому смыслу и называть предмет настоящим его именем.}. Они принадлежат лучшим современным поэтам нашим: Жуковскому и Пушкину, особенно же сему последнему, который напечатал во 2-й книжке "Библиотеки для чтения" "Сказку о мертвой царевне". Жуковский, в прошедшем году, подарил нас также сочинением "Сказка о царе Берендее", Пушкин напечатал в 3-м томе своих "Стихотворений" "Сказку о царе Салтане". И во многих других новых сочинениях сего поэта видно старание превратиться в старинного русского рассказчика, воскресить дух старой Руси, заменить новые формы стихотворства старыми. Об этом-то направлении хотим поговорить мы. По нашему мнению, здесь явление чрезвычайно важное: оно может иметь некоторое влияние на будущую участь нашей словесности; могут найтись подражатели и обожатели, которые распространят, преувеличат, исказят мысль наших отличных поэтов и сделают из нее то же, что сделали бездарные подражатели из мысли Карамзина, который хотел размягчить грубость нашу слезами чувствительности. Зачем же работать нам еще двадцать, тридцать лет по новому направлению, если оно ложно? Надобно будет оставить его, и тогда пожалеют о потерянном времени. Лучше сообразим теперь это явление с указаниями истории и с выводами ума. Поэты могут иногда обольщаться мечтами, но мы, беспристрастные наблюдатели, обязаны говорить им правду.

Мысль подражать изящному прошедшему была искони мучением многих писателей и даже многих литератур. Великолепные римляне видели в изящных греках образец для всех произведений своей словесности; средние века чуть не молились древности; французы, холодные подражатели древним классикам, были, в свою очередь, образцами для многих и в том числе для нас, переимчивых русских. Теперь, когда мысль сия признана более нежели неисполнимою, -- теперь странно было бы вновь доказывать признанное всеми. И философские выводы, и свидетельства исторические у всех в памяти, перед глазами. Теория истинной поэзии овладела сердцем, неизгладимо начертана в уме, слилась с жизнью каждого образованного юноши нового поколения. Зачем же доказывать человеку то, в чем он